

ВЛАСТЕЛИНЯ
БОГАТОВА

ПОМОЩНИК
МАГА

Властелина Богатова

Помощник Мага.

Его искушение

<https://litres.ru/74213838>

Аннотация

Сбежав, я спаслась от врага. Но настоящий удар пришёл с другой стороны, и если бы не таинственный незнакомец, который спас меня, я бы попрощалась с жизнью. Мне бы следовало держаться от него подальше, ведь он маг-некромант. Но если бы все было так просто! Маг смотрит мне прямо в душу, и с каждым неровным ударом сердца я рискую выдать свой секрет. Ведь чтобы выжить, я вынуждена притворяться мальчиком...

Содержание

1	4
2	9
3	16
4	28
5	38
6	41
7	46
8	49
9	54
10	59
11	61
12	65
13	69
14	73
15	77
16	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Запах сдобы напомнил мне о доме. Едва я почуяла его, и ноги сами принесли к порогу пекарни. Я опустилась на него и, прислонившись к холодной стене спиной, прикрыла веки. Вспомнила свой дом — белокаменную усадьбу, утопавшую в цветах. Мама очень любила розы. Я мыслями перенеслась в прошлое и не заметила, как дверь пекарни распахнулась.

— Эй, ты чего тут расселся? А ну пшёл отсюда, щенок!

Я вздрогнула и отшатнулась прежде, чем носок сапога врезался в бетонную стену, к которой я жалась, трясясь от холода.

— Не хватало ещё, чтобы сдох тут. Попробуй только приди снова, шкуру сдеру! — разгневанно ревел булочник, брызгая слюной. — Наплодили шлюхи нищелюбов! Всех бы передавил, ублюдков!

Подорвавшись с земли, я поторопилась убраться, пока в меня не полетел булыжник. Забежав за угол, поскользнулась на тыквенной корке и, потеряв равновесие, ударилась лбом о кованую ограду, за которую успела ухватиться. Зашипев от боли, потёрла ушибленное место, стирая выступившую кровь. В глазах резко потемнело, сердце клокотало, едва ли не разрываясь на кусочки, ноги тряслись.

Аромат сдобных булочек всё ещё дурманил голову. И, как

в насмешку, пустой желудок жалобно заурчал. Во рту у меня уже второй день не было ни крошки.

Посмотрела в сторону рынка, который должен уже открыться. Нужно хотя бы немного поесть, иначе долго не протяну.

Порыв холодного ветра отбросил полы моего старенького грязного плаща, прошёлся по груди и всколыхнул обрезанные волосы. Взявшись за ворот ветхого одеяния, я плотнее укутала своё до безобразия исхудавшее тело — руки и ноги стали тонкие, как ветки. Я походила на бродягу, и если бы кто-то из прошлой жизни увидел меня такой, то не узнал бы.

Ко всему печать принадлежности вытягивала последние силы.

Я глубоко вдохнула, отбрасывая мрачные мысли. Холодный воздух наполнил легкие. Глубокая осень легла на столицу мокрым туманом — он не сходил несколько дней. Ещё немного — и ударят первые морозы. Тогда мне будет очень трудно выжить.

Тряхнула волосами, короткие пряди упали на глаза. Нет, я не могу умереть, я должна наказать того, кто сломал мою жизнь, кто убил близких, отнял мой дар.

— Ничего, всё будет хорошо.

Но сначала мне нужно добыть еды.

Стиснула зубы, почувствовав прилив сил, оттолкнулась от ограды и пошла в сумраке улицы к рыночной площади.

Облокотившись на стену, я устало прикрыла веки. Двух медяков, которые я нашла возле одной из лавок, хватило на краюху чёрного хлеба. Открыла глаза и полезла во внутренний карман плаща, достала зачерствевший кусок и надкусила. Слёзы подступали к глазам, но жалеть себя нельзя. Никак нельзя. Давя в себе рыдания, я жевала пресный хлеб и думала, как быть дальше, вспоминая, как Сальмос Вайдер поставил на мне печать принадлежности ему, сначала избавившись от моего отца, а потом и от старшего брата. Я потеряла защиту, и Вайдер добился своего. Но у него не вышло главное — заполучить меня.

— Эй! — грубый окрик выдернул из задумчивости.

Повернула голову и увидела, как из-за прилавков вышли четверо парней в потрёпанных одежонках, грязные — такие же бездомные отщепенцы, как я. Но что им нужно от меня? Предчувствуя недоброе, я вытянулась, решая убраться отсюда, оглядываясь на гудящий людскими голосами рынок. Но уйти мне не дали.

— Куда? А ну стой! — один из юнцов схватил за шиворот и дёрнул назад, так что я выронила хлеб из пальцев, а хлипкий плащ треснул на воротах и больно врезался в шею.

— Что вам от меня нужно? — дёрнулась из хватки, но меня тут же припечатали к стене пекарни, где я купила краюху. Я больно ударилась затылком о камень.

— Так-так, кто-то тут у нас слишком борзый? — протянул самый взрослый парень с рассечённой бровью, чумазым

лицом и всклокоченными светлыми волосами.

Он гораздо выше и сильнее меня. Я поморщилась, потому что от бродяг несло чем-то кислым и горьким. А ещё от него веяло злой недоброжелательностью, отчего у меня нехорошо похолодело в животе.

— Ты тут уже давно, разве не знаешь, что это наши владения? — спросил главарь.

Я помотала головой:

— Откуда мне знать? Здесь много бездомных, — заговорила едва слышно, понимая, что лучше не перечить. Но возмущение затопило остатки самообладания, ко всему последняя корка хлеба валялась в грязи, на съедение псам. — Рынок общий.

Зачем я это сказала? Нужно было согласиться, извиниться, сказать, что моей ноги здесь больше не будет, но чувство несправедливости резало как ножом.

— Точно борзый, а мы таких наказываем, — взгляд парня потемнел. — Сейчас научим уважать старших.

Он сильнее сжал ворот, перекрывая мне дыхание, и толкнул вперёд. Другие тут же подхватили под руки с обеих сторон. Я пыталась вырваться, но мальчишки держали крепко. В голове билась паническая мысль — что делать? Звать на помощь бесполезно, никто не полезет к бродягам разбираться!

— К заброшенным постоялым дворам его! — скомандовал главарь.

Сердце словно ухнуло в пропасть. Что они собираются делать?

— Отпустите! Я не... — и прикусила язык.

Пусть лучше думают, что я мальчишка, иначе мне точно не поздоровится. Меня пробрало до костей ледяным страхом. Тошнота поступила к горлу, я почти не видела земли под ногами, думая о том, что меня ждёт.

Шайка вела меня молча, было слышно только шуршание гравия под разбитыми башмаками и отдаленный гомон рынка позади. В голове проносились мысли одна хуже другой. Влага заполонила взгляд, глазам стало горячо.

Парни остановились. Я окинула взглядом широкий некогда богатый двор, огражденный высоким полуразрушенным забором. За ним высился обгорелый двухъярусный дом — пристанищем для бродяг. Вокруг — следы запустения и разрухи. Валялись старая мебель, треснувшие колеса от повозок и много другого хлама.

Блондин недобро сощурил глаза.

— Ставьте его на колени.

Что?! Внутри меня всё всколыхнулось, но не успела я подумать, как тут же под колено пнули, и я рухнула на землю. Жар возмущения затопил меня с головой — ещё никто не смел обращаться со мной так! Хотя нет, посмел один — ненавистный враг, поставивший печать принадлежности, из-за которого я и скиталась в бегах.

Главарь был доволен, его губы противно зазмеились в ухмылке.

— А теперь проси прощение за свои дерзкие слова и клянись, что больше такого не повторится.

— Я не собираюсь ничего просить, — выпалила.

— Вот как? — парень недобро вскинул бровь. — Недоношенный, а наглый. Барт, скажи, что мы делаем с такими?

Сообщник главаря мерзко ухмыльнулся. Я сглотнула, судорожно ища выход из положения. Но его не было. Никто мне не поможет. Если бы моя магия... Но от нее остался лишь давно пересохший источник.

Главарь приблизился. Я задрала подбородок, чтобы смотреть на этого мерзавца. У него нет сердца, ни капли сочувствия и жалости. Он протянул руку и схватил меня за ухо:

— Мыотрежем тебе уши.

— Пусти! — я дернула головой, но он обхватил мою шею, лишив возможности двигаться.

— Барт, нож.

Я распахнула глаза от ужаса. Главарь забрал нож и угрожающе покрутил перед моими глазами широкое, местами ржавое лезвие.

— Ну что, будешь извиняться? Последний раз спрашиваю.

Я сглотнула, плотно сжав губы, страх подавлял и захватывал всё моё существо, но я упрямо мотнула головой.

— Ну что ж, приступим, — главарь вновь потянулся ко мне. Я резко повернула голову и сомкнула зубы на его запястье. Парень взревел и, отдёргнув руку, выронил нож. — Ах ты тварь!

Он замахнулся ногой. Я зажмурилась, пытаюсь выдернуть руки из хватки, отчаянно скребя по дну источника магии

в себе, ища хотя бы ее жалкие крохи, чтобы поставить защиту[O2] . Всё вдруг будто замедлилось. Я видела, как нога с дырявой подошвой двигается ко мне, и почувствовала, как внутри толкнулось что-то топкое, как волна, и мощное. Вспышка света ослепила.

— Прочь от него! — услышала зычный окрик.

Вздрогнула и повернула голову, но в этот миг силы разом покинули моё тело. Я повисла на руках бродяг, смутно видя, как кто-то стремительно приближался к нам. Мужчина... брюнет...

Меня отпустили, и я безвольным соломенным чучелом упала на землю. Слышала возню, пыталась открыть веки, чтобы увидеть, что происходит, но не могла. Я будто находилась под толщей воды, и свет и голос пробивались откуда-то сверху. Мужской голос — уверенный, сильный спокойный. Он говорил что-то, но я не могла разобрать ни слова, ощущая его ауру. Она была... особенной. Тёмной, обволакивающей, как растопленный шоколад. Разве так может быть? Тёмная аура должна убивать... А может, смерть не такая и страшная? Что ж, если смерть именно такая, то я не боюсь умереть.

Но, несмотря на эту приятную тяжесть, что навалилась на меня словно пуховым одеялом, я услышала громкое — «Бежим!».

И наступила тишина. Я всё ещё была в сознании, но тело мне не принадлежало. Жуткие ощущения, которые должны

были насторожить, но я не боялась.

Наконец, слышала шаги, они стихли прямо возле моей головы. Попытки открыть глаза закончились новым приливом мучительной слабости. Аура мужчины душила, но в то же время позволяла дышать. Сильные мужские руки подхватили меня с земли с лёгкостью, будто я ничего не весила. И желанная тьма всё же затопила голову окончательно. Последнее, что я чувствовала — это твёрдую горячую грудь и размеренные удары сердца.

Если я умирала, купаясь в тепле, то воскресла куда болезненнее. Меня пронял такой жуткий холод, что зубы отстучивали дробь. Потянула на себя что-то тяжёлое и тёплое и очнулась окончательно. Это была не моя одежда. И запах... Я застыла, втягивая аромат дорогого мужского парфюма — терпкий, сильный и будоражащий. Едва не отшатнулась, поняв, что рядом сидит тот, кто меня спас.

— Скоро это пройдёт, — раздался уже знакомый голос.

Я распахнула ресницы и застыла. На меня смотрели чёрные глаза, невероятно глубокие и внимательные. Их взгляд будто затягивал в смолу, парализуя.

— Очнулся? — спросил незнакомец.

Он тоже принял меня за мальчишку. Облегчённо вздохнув, я огляделась по сторонам и поняла, что нахожусь в карете наедине с этим незнакомцем. Воспоминания возвращались острыми уколами, жар запылал на щеках. Меня ведь

едва не избили, чуть уши не отрезали, унизили, поставив на колени. А этот незнакомец, выходит, видел все это? Этот господин вытащил меня из передраги, нужно бы его поблагодарить.

Я заторможено кивнула, сглатывая сухость, посмотрела на мужчину искоса, но всё равно не выдержала и, смутившись, опустила взгляд. Страшно хотелось пить.

Кажется, мой спаситель это понял и потянулся в сторону. Взял фляжку, открыл и протянул мне.

— Один глоток.

Я жадно сделала глоток и подавилась, закашлялась — огненная жидкость опалила горло и перехватила дыхание.

— Я же сказал, один небольшой глоток, — недовольно прорычал он.

— Вы не говорили «небольшой», — прохрипела я, кашля и вытирая слёзы. Но когда приступ удушья прошёл, внутри стало неожиданно тепло, по венам будто огонь хлынул, размягчая задубевшее тело. — Спасибо, — поблагодарила сразу за всё.

Стянула с себя жакет и как можно увереннее протянула мужчине.

Теперь я рассмотрела спасителя лучше.

Темные волосы, брови и глаза в контрасте с бледной кожей делали его черты невероятно выразительными, а тонкий нос и красивые губы на гладко выбритом лице выдавали в нём аристократа. Широкие плечи и сильные руки... которые,

между прочим, совсем недавно прижимали меня к нему. Я густо покраснела.

— Мне нужно идти.

Мужчина кивнул, и у меня в душе неприятно царапнуло. Взгляд опустилсЯ на его губы — у милорда очень привлекательная улыбка. Я моргнула и усмехнулась этой странной реакции — почему он должен меня задерживать? Меня — бродягу. Я взялась за ручку дверцы и передвинулась на край сиденья.

— Постой, — он положил руку на моё плечо.

Я, сама не понимая почему, сбросила ее и отстранилась. Стало неловко от того, что он считает меня мальчиком. Слепая Дева, разве это плохо?! Это очень и очень хорошо, ведь не нужно, чтобы меня разоблачили!

Мужчина нахмурился:

— Тебе есть куда пойти?

Я уставилась на него. Зачем он спрашивает? Покачала головой:

— Нет, господин.

— Как тебя зовут?

— Эли... Эрик, господин.

— Меня зовут Нейтон Кемрон, — представился мужчина, впиваясь в меня пронзительным взглядом, будто что-то решал, — хочешь получить работу, Эрик?

— Работу? — переспросила, не веря ушам.

— Да, работу.

— Но... а какую?

Мужчина усмехнулся. А я замерла, понимая, что спросила чушь — мне ли выбирать?

— Сначала нужно посмотреть, на что ты годишься, и что тебе... эмм... по силам, — ответил Нейтон. — Посиди-ка тут, мне нужно кое с кем переговорить.

Кое с кем? Я удивленно хлопнула ресницами, но милорд уже открыл дверцу и скрылся за ней, оставляя меня в полном недоумении. Сердце билось быстро, руки проняла дрожь.

Так, спокойнее, Элиз, ведь всё складывается хорошо. Верно? Верно. У меня будет крыша над головой, еда и... Стоп, стоп, стоп! А если это ловушка? Вдруг этот господин что заподозрил, почувствовал? Ведь он не простой, в этом я убедилась ещё во дворе, ощутив его ауру.

Теперь, когда оцепенение и первые эмоции схлынули, меня поглотили сомнения. Захотелось сорваться и убежать по-дальше. Зачем он предлагает мне работу? Что он увидел во мне? Вряд ли делает из жалости. Может, он почувствовал метку принадлежности и решил задержать меня, чтобы передать хозяину?

Эта мысль оглушила и обездвижила, а в следующий миг я бросилась к дверце, правда, не так быстро, как хотелось бы — слабость всё ещё одолевала. Схватила за ручку и едва попыталась открыть, как услышала женский голос.

— Да ты с ума сошёл! Да он тебя обчистит! — верещал довольно противный женский голосок. — Я не понимаю тебя, Нейтон! Сначала ты везешь меня в это захолустье, а потом тащишь в это грязное отвратительное место!

Мой слух напрягался от женского визга. Да уж, кто бы это ни был, не повезло милорду.

— Я не настаивал, чтобы ты поехала со мной, Хэдит, — голос милорда звучал строго и ровно, он явно не собирался церемониться с девушкой и потакать её капризам.

— Я не поеду в одной повозке с этим вшивым грязным дохляком.

Это она так про меня? Я сжала кулаки и вздёрнула подбородок. Да если бы она знала, кто я самом деле... Внутри меня всё звенело от негодования и гнева. Я бы могла выйти и ответить, но нельзя, если хочу выжить и отомстить тому, кто лишил меня всего.

Тишина была слишком давящей.

— Я найду тебе повозку, — раздался ответ Нейтона.

Мужчина жёстко закрывал этот разговор. Я даже почувствовал искры напряжения и слышала возмущённое сопение этой незнакомки. И не смогла сдержать ликование, но тут же взяла себя в руки — нехорошо леди так себя вести. А губы все равно расплзались в улыбке.

— Ах так?! Ну хорошо. Мне надоело, что ты ставишь меня ниже... уже ниже бродяг! Это возмутительно! Я тебе этого не прощу, это слишком! Слышишь, Нейтон?! Нейтон! Стой, Нейтон!

Улыбка сползла с моего лица, прижалась к дверце и не знала, что делать. Уйти? Но куда? Нужно будет искать другое место — та шайка разорвёт меня на кусочки, если я ещё раз появлюсь на рынке. Работу я не смогу найти — кто возьмётдохлого работягу, который не сегодня-завтра свалится с ног? А этот господин предлагает именно работу. Почему? Может, зря я его подозреваю, и ему просто стало жаль меня?

Пока я раздумывала, милорд вернулась. Открыв дверцу, он сел в салон. Я покосилась на него. Мужчина выглядел мрачнее тучи, что висела сейчас над столицей, даже, кажется, на улице потемнело от его хмурости. Немного подумав над чем-то, он повернулся и велел возничему ехать. Бросив на меня тяжёлый взгляд, сердито выдохнул и отвернулся к окну.

И кто же та особа, что так с ним вольготно разговаривала? Любопытство распирало, но какая мне разница?!

Я вжалась в сиденье, кутаясь в плащ, желая сравняться со стенкой, так мне было тесно и неловко. В конце концов, устав быть всё время в напряжении я отдалась на волю случая. Хуже мне уже не будет, пусть я пока не знаю, что за работу мне предлагают, но это лучшее, что могло случиться со мной сегодня.

Мне было жутко неловко за свой потасканный плащ и грязь на руках, я спрятала их в рукава и скрестила на груди, пряча под мышками. Так и сидела, насупившись, пока монотонное покачивание и тишина не стали навевать сон. Как бы я ни боролась с ним, меня все равно утягивало в топкую темноту. Усталость и пережитое сказывались, ко всему горячительное всегда действовало на меня подобным образом. Я клевала носом и вздрагивала, краснея до ушей от стыда, ожидая, что господин сделает мне строгое замечание, но он смотрел в окно и не обращал на меня никакого внимания, по-прежнему был где-то в своих мыслях.

Нейтон Кемрон... Мне ничего не говорило это имя, да я и не могла его знать. В столице Шедр-Виг я раньше никогда не бывала, а попав, кроме рынка, ничего и не видела. И сейчас хорошо бы смотреть, что за окном, но сон беспощадно наваливался, и единственное, о чём я мечтала это — о тепле и одеяле. До этого я ведь находила место для ночлега на складах и развалинах, но с приходом холодов ночи стали особенно мучительными. Я всего лишь месяц в бегах, а кажется, что несколько лет — так тяжело мне приходилось.

Я невольно перенеслась мыслями в прошлое, в дреме видела родной город Хоффрон, который стал недостижимым для меня, и тот день, когда в наш дом ворвался Сальмос...

— Дрянь, как и твоя мать!

Увесистая пощечина опалила щёку, я отшатнулась, но

Сальмос схватил меня за шкуру и швырнул на кровать. Я заскользила по постели, а мужчина выдернул артефакт из внутреннего кармана. Страх остудил вены, я сглотнула.

— Что вы делаете, милорд?! Остановитесь! — вмешалась нянюшка.

Ох, лучше бы она молчала, иначе ей тоже не поздоровится. Сальмос был в ярости, глаза налились кровью, по обветренному лицу и шее ходили красные пятна. Убьет точно. Убьет за то, что я возразила, за мой протест.

Недавно Сальмос приехал в Хоффрон и прямиком направился в нашу усадьбу Адрингем, поднялся в мою спальню и начал диктовать свои права. Грязный, мерзкий старикан. Я укусила его за руку, когда он попытался меня лапать, он взбесился и отшвырнул меня.

— Сейчас я тебя проучу... сейчас ты у меня получишь... — сопел он, хватая меня за ногу и дёргая на себя.

Я взвизгнула, соскользнув с постели, сжала простыни. Он ухватил меня за ткань сорочки, послышался треск, я пыталась вывернуться, отбиться, но мне не удавалось справиться с мужчиной. Я закусил губы и зажмурилась, а следом вскрикнула, когда артефакт вплавился в моё плечо. Боль была настолько оглушающая и ослепляющая, что я закричала, схватившись за одеяло.

— Нравится? Теперь ты будешь моей. И только попробуй рот раскрыть, — прорычал Сальмос.

— Господин, ради всех святых, отпустите! Что вы же

делаете? Побойтесь Слепую Деву! Убьёте! Убьёте же! Дитя ещё! — завывала нянюшка, но Сальмос не пощадил, превращая мою спину в одну сплошную рану.

— Я тебя... научу... как кусаться... дрянь... Ты у меня получишь... я тебя отучу... Пожалеешь, что родилась.

И я пожалела. Пожалела, что родилась слабой, что родилась женицой, что не могла себя защитить.

Артефакт выжигал на моей коже знаки принадлежности, но я уже не кричала. Из глаз лились немые слёзы, я молча кусала губы и ждала, когда он остановится, но не дождалась — провалилась в спасительную темноту...

...Очнулась от собственного стога.

— Потерпи, девочка, — прозвучал успокаивающий голос няни.

Я разлепила веки, различая за мутью золотистые языки пламени. Я была всё ещё в своей спальне. Значит, я всё же осталась жива. Осталась жива и обречена на муки, потому что Сальмос не остановится. Глаза вновь налились слезами.

— Где он?

— Внизу, напился, свинья, — не сдержалась от грубости Дориан.

Слепая ярость затопила голову. Первая мысль была взять нож и прикончить этого мерзавца, но это для него слишком лёгкая смерть. Я не должна так думать.

— Тише, не шевелись, я смазала ожоги мазью, которую

назначил лекарь.

— Лекарь был здесь?!

— Был. Сальмос его позвал, — процедила сквозь зубы женщина. — Испугался.

Я пошевелилась и не почувствовала боль — может, это так действовала мазь?

— Вам нужен покой, Элиз.

— У меня его уже никогда не будет, Дори.

Отца и брата нет. Меня некому защитить. Слезы вновь накатили на глаза, но я сдержала их — что толку от того, что я буду себя жалеть? Мне нельзя. Иначе... иначе поддамся этому тирану и убийце...

...Весь вечер и всю ночь я пролежала на животе, думая обо всем случившемся, и боялась, что Сальмос протрезвет и поднимется ко мне в спальню. Хоть нянюшка и была рядом, но разве она может ему противостоять? А лекарь ведь видел меня изуродованную! Интересно, как Сальмос перед ним оправдывался? Что сказал? Наверное, дал ему кучу денег за молчание.

В следующий раз, когда я очнулась, был уже вечер. Дориан принесла ужин, но есть я не хотела. Нянюшка хоть и не показывала, но глаза её были на мокром месте — она переживала за меня сильно.

Я кое-как поднялась — поесть нужно, и я заставила себя. Силы мне необходимы, хотя, по правде, не хотелось жить. Сальмос унизил меня и втоптал в грязь, поставив

печать принадлежности.

Но гнев угас, и это меня пугало, а когда увидела в зеркало, во что превратилась моя спина — вся в алых пятнах, с засохшей коркой и синяках — содрогнулась, меня пробрала мелкая дрожь. Хотелось разрыдаться, но я поджала трясущиеся губы.

Нянюшка подошла ко мне незаметно, взглянула с печалью и волнением.

— Бежать вам нужно.

— Бежать? — повернула я к ней голову и опустила взгляд, покачала головой: — Он найдет меня.

Это бессмысленно. Всю землю перероев, бросит на поиски своих верных псов, не успею я за стену выйти.

— Не найдёт, — твёрдо заявила нянюшка.

Я вновь повернулась к ней, внимательно посмотрев.

— Что ты задумала, Дори? Выкладывай, — потребовала, внутри воспарила надежда.

— Ох, грех мне будет на душу, да простит меня Слепая Дева, — запричитала эсеницина.

— Говори же, что придумала, — велела я строго.

— Вы вся в матушку, она тоже была худенькая — я-то знаю её с пелёнок. Подвижная, весёлая, проказничала много....

— К чему ты клонишь, говори же скорее, — сжала кулаки, теряя терпение.

Нянюшка сглотнула.

— *Вы косы-то отрежьте и мужскую одежду наденьте, и никто вас никогда не признает.*

Я смотрела пристально и долго на няню, осмысливая сказанное. На мои губы медленно напозла улыбка.

— *Дори, ты молодец!* — наконец, выдохнула я.

Она рукой махнула.

— *Да что вы! Я бы никогда такого вам не пожелала, но... Сальмос погубит вас,* — дрогнул её голос, а на глаза набежали слёзы.

Я повернулась к ней и склонилась.

— *Найдешь одежду подходящую?* — шепнула.

— *А как же. Если уходить, то сейчас, пока этот зверь не проснулся...*

— *Вот и поторопись,* — подмигнула я.

Она убежала, а я осталась одна. Повернулась к зеркалу и взяла со стола ножницы, вдохнула. Матушка любила мои волосы, они у меня до поясницы, густые красивые медные волны. Я неспешно расчёсывала их, напевая древнюю, как сама Дева, песню, что передавалась от эсеницы к эсенице. А потом, отложив гребень, взяла тёмную с золотистым отливом прядь и потянулась за ножницами. Отрезала не слишком коротко, чуть выше плеч. Взяла следующую. Пряди мягко падали на пол.

Вошла с тряпьем нянюшка и, застыв, побледнела.

— *Ох, грех мне, грех...* — вновь запричитала она.

Я смотрела на себя в зеркало.

— Не слишком-то я похожа на юношу, слишком большие глаза и брови женские, — подумав немного, я напустила на лоб пряди и сделала челку, чтобы та закрывала брови и глаза. — Ну вот, — улыбнулась я, — совсем другое дело. Спасибо тебе, — повернулась к женищине.

Глянула на одежды.

— Это моего племянника, ему пятнадцать — вам как раз будет...

Я прошла, взяв длинный лоскут, вопросительно глянула на женищину.

— ...Этим грудь обернуть, — объяснила она.

— Помоги, — решительно попросила.

Стягивать рёбра было больно — раны на спине загорелись огнём, я искусила все губы, пока закончили.

— Вы одевайтесь, а я вещи соберу и мази положу...

Я кивнула и, взявшись за полотняную рубаху, принялась одеваться. Закончив, повернулась к Дориан, сжимая пальцами широкие длинные рукава. Слишком велико, но оно и лучше — скрывает все избы тела.

— Ох, не признать, госпожа.

Я забрала котомку и плащ, прошла к шкафу. Принялась собирать ценные вещи, пока нянюшка подметала локоны с ковра и бросала в тлеющий камин. Собрав всё, я приблизилась к ней.

— Дева пусть сохранит вас... — дрогнул её голос.

— Мне только выбраться отсюда, — проговорила я. В

голове смутные, но всё же были планы. Главное — оказать-
ся подальше от Саймоса, а потом я придумаю как вернуть
своё имя и дом. — Я обязательно вернусь, — прошептала и
утешительно погладила женщину по спине. — Береги себя,
Дори.

— Не волнуйтесь за меня, госпожа, вы берегите себя...
— она всё же заплакала.

— Мне нужно идти, — сглотнула я, отстраняясь.

Няня проводила меня потайным ходом, предназначенным
для слуг.

Ледяной туман скользил по ногам, заставляя ёжиться.
Я взгляделась в темноту и пошла вдоль стены прочь от до-
ма, подкрадываясь к задним воротам. Там была лазейка, о
которой не знал никто. Воспользовавшись ею, я оказалась в
сырых зарослях можжевельника. Вскоре я вышла на доро-
гу...

...До столицы я добралась на рассвете. Торговая пло-
щадь постепенно оживала, торговцы открывали лавки,
поднималась суeta. Я бродила по рынку, пытаясь найти
ювелирную лавку, где можно обменять украшения на деньги.
Но меня принимали за бродягу, никто не воспринимал все-
рьёз.

— Гляди куда идёшь, раззява! — носильщик жёстко от-
пихнул меня со своего пути.

— Извините, — пробурчала я, радуясь тому, что меня
всё же путают с мальчишкой.

Это хорошо. Очень хорошо. Но плохо то, что ни в одной ювелирной лавке меня не приняли, прогоняли с порога.

— Прочь, нищеврод! — только и слышала я.

Грубость выбивала из колеи. Я не привыкла к такому обращению, отчаяние накатывало с каждым часом моего блуждания все больше. В столице все оказались злыми и неприветливыми. Никому не было дела до моей беды.

Я мерзла — осенние рассветы становились холодными и сырыми, меня пробирало до костей. А погреться нигде. Столица Энстердон огромная, она давила своей суетой, мрачностью и безжалостностью. Это не в моём городке в Хоффроне, где жизнь текла спокойным ручейком.

Я уже совсем перестала смотреть под ноги, сжимая плечи и стиснув зубы, вынырнула из толпы и носом уткнулась в ещё одного прохожего. И закрылась руками, ощущая кожей, что на этот раз оплеухи не избежать. Но, как ни странно, никто меня бить не собирался.

— Всё в порядке? — старушечий голос был скрипучий и жёсткий.

Я подняла глаза и застыла. Передо мной стояла седовласая женщина в отрепьях, глаза мутные, на носу уродливая бородавка. Я мотнула головой, почему-то испугавшись, и в то же время щёки мои загорелись — я отчего-то дико смутилась. Может, потому что старуха смотрела на меня будто насквозь.

— Я тебя не видела раньше, откуда ты?

— Из далека, — ответила уклончиво.

Старуха закивала, тряся лохматыми космами. А мне захотелось убраться подальше.

— Обманывать можешь кого угодно, я чувствуя, что ты необычная.

Я встrepенулась, оглядываюсь по сторонам, боясь, что нас кто-то услышит.

— Ты скрываешься не просто так.

— Вы ошиблись, — вздёрнула подбородком.

Я хотела уйти, но она схватила меня за руку костлявыми пальцами и дёрнула назад. Старая, а сил больше, чем у меня — неужели я настолько ослабла от этой проклятой печати? Я тут же испугалась, что она почует мою магию.

— Когда пройдёт время, от помощи не отказывайся, — вдруг заговорила нищенка, — следуй за тем, кто первый предложит помощь. Ты можешь вернуть то, что утрачиваешь.

— Матушка, пойдём, — вдруг подошла женщина.

Мальчишка клевал носом и жался к стенке кареты, дрожа от холода. Исхудавший до костей, только глаза огромные. Видно, что не ел несколько дней. В конце концов, он уснул, свесив голову на грудь. Я глянул на свой камзол, порываясь накрыть бедолагу, но понял, что это лишнее. Он мужчина, пусть терпит. Да и ему ведь не привыкать.

Больше всего было интересно, откуда у него магия. Она то вспыхивала, то угасала. Сон Эрика был беспокойный, он то и дело вздрагивал, а я не мог оставить его без внимания. Кажется, ему снилось что-то неприятное и страшное, нужно было бы его разбудить, встряхнуть, но я наблюдал за движением магии, пока в какой-то момент — когда мальчишка застонал во сне — она выплеснулась с такой силой, что оглушила меня.

Мальчишка затих и снова погрузился в глубокий сон, а магия начала таять, пока не исчезла, будто её и не было. Я сдерживал себя, чтобы не схватить парня за плечо и не встряхнуть хорошенько, казалось, что он больше не вдохнет, но он снова находил в себе едва ощутимые следы силы. Так можно и посидеть, пока доедем до места. И переживать за оборванца я вовсе не собирался. Если выживет — будет хорошо. А если нет — такова его участь. К сожалению, рож-

дённный с магией зависим от неё.

Я снова оглядел его внешний вид, потрепанный плащ закрывающий худые плечи. Волосы у парня тёмные с медным отливом и хоть все и в пыли, но блестели и выдавали, что он западных кровей. Может такое быть, что Эрик издалека? Вполне, судя по тому, что бродяжничают он совсем недавно — те мальчишки не приняли его за своего. А ещё у него зелёные глаза, яркие, почти как у ребёнка — это тоже подтверждало его происхождение. Да и слишком он вежливый для уличного отщепенца. Как бы то ни было, я выясню, откуда он.

Какую работу для него я мог предложить, пока и сам не знал. Для начала его нужно немного откормить и обязательно позвать лекаря. Мне не нравился хрип в его голосе, не хватало, чтобы он ещё слег с горячкой — это ещё больше подорвет его здоровье.

Эрик снова вздрогнул, поднял голову, глянул на меня сонно и снова утих, стянув на себе сильнее плащ. На вид ему лет шестнадцать, хотя это может казаться из-за худобы, но и ростом парень явно не удался — в ряды гвардейцев дорога ему закрыта.

На что он может мне сгодиться? Хотя лучше пока не строить планы, пусть сначала окрепнет.

Я отвернулся, решив больше не думать об этом. Мы как раз уже подъезжали к дому. Мне ещё предстояло отправить кое-какие бумаги в министерство, и нужно бы поторопиться

— близился вечер.

Наконец, карета въехала в ворота и остановилась. Парень качнулся вперёд и едва не стукнулся о мой нос макушкой — я успел его поймать. Он тут же вырвался и растерянно заозирался, не понимая, где он и с кем. Я стиснул зубы, понимая, что мне его откровенно жаль.

Я проснулась, когда карета остановилась, едва не ткнувшись носом в господина.

Милорд Нейтон недовольно фыркнул, а я поспешила отстраниться, боясь испачкать его костюм.

— Простите, — всё ещё ощущая жуткую неловкость, я заправила за ухо волосы и поёжилась, когда Нейтон пронзил меня холодным взглядом.

Ему ведь приходится терпеть меня в своей карете. Но в его взгляде была лишь твёрдость, напряжение и ни капли брезгливости.

— Мы приехали, — заявил он и взялся за ручку. — Выходи.

Он вылез из салона, я поспешила за ним. Холодный воздух тут же пробрал до костей, как и ошеломление. Прямо передо мной возвышался дворцовый замок с узкими окнами и башнями, немного мрачный из-за тёмного камня. Впрочем, он — олицетворение всего Энстендора. Нейтон Кемрон, очевидно, очень богатый лорд. Кто же он? Меня снова взяло сомнение, как он вообще мог обратить на меня внимание и что

привело его в те заброшенные дворы? Для меня это оставалось загадкой, как и тёмная аура его светлости.

— Идём за мной, — велел милорд, вырывая меня из задумчивости.

Не успели мы войти во двор замка, нас встретила женщина, высокая и представительная, с белоснежными волосами на висках, зачесанными в строгую причёску. Экономка — поняла я. Она приветствовала господина, а когда увидела меня, её тонкие подкрашенные брови сошлись на переносице. Женщина оглядела меня с головы до ног так вьедливо, будто пыталась залезть под кожу.

— Есть новости, Паула? — спросил милорд, перетягивая её внимание.

— Нет, милорд, никаких известий и гостей, — отчиталась она.

— Хорошо. — Нейтон повернулся, будто только что вспомнил обо мне. — Отведи его в купальню и выдай чистую одежду, потом накорми, — коротко распорядился. Только сейчас я услышала в его голосе усталость. — Нет, сначала накорми, а потом всё остальное.

— Это бродяга? — вдруг спросила она.

Я задержала дыхание. Едва заметно плечи Нейтона напряглась.

— Это Эрик. Делай, что я тебе сказал, — жёстче приказал.

— Слушаюсь, милорд, — почтенно поклонилась экономка.

Нейтон повернулся ко мне.

— Позже я тебя позову, — сказал он и направился к парадному входу, оставляя меня наедине с Паулой.

Та скупно поджала губы в недовольной гримасе, но всё же произнесла стальным тоном:

— За мной.

Конечно, она недовольна тем, что ей придется возиться с бродягой, но мне было всё равно. Единственное, что я хотела — это есть и спать. Смертельная слабость вымотала меня, и я едва поспевала за бодрым шагом экономки. Она молча вела меня по сумрачным коридорам, не оборачиваясь, и хорошо, что не задавала вопросов.

— В доме господина Кемрона нет прислуг мужчин, разве только возничие, пара дворников и садовник, — сухо начала говорить женщина, когда мы прошли узкий коридор и повернули в северную часть замка.

— Сейчас я отведу тебя в купальню, — она чуть повернулась, бросая на меня взгляд через плечо, и брезгливо сморщила нос, — чтобы ты помылся, а потом поужинаяешь в кухне.

— А можно сначала еды? — попросила я, понимая, что упаду в голодный обморок прежде, чем вымоюсь.

— В таком виде? Ты грязный, да ещё пахнешь, будто был в свинарнике! — брезгливо выпалила она. Я покраснела, пригнувшись к себе — вроде ничем таким неприятным не пахла. — Ладно, пойдём за мной, дам перекусить, а ужинать поз-

же придёшь, — вдруг согласилась она, и я поняла, что экономка хоть и показывала себя строгой, была всё же снисходительной.

Мы снова повернули и оказались в другом, более широком коридоре, а потом и в небольшом зале. В его конце из-за двери тянулись ароматы еды. Паула направилась именно туда, и я уже не отставала. Мы вошли в кухню. Здесь было тепло — от жаровни исходил душный жар. Кухаркой оказалась молодая девушка с колпаком на голове, она повернулась в нашу сторону, когда мы вошли.

— Берта, дай-ка нашему гостю что-нибудь перекусить, — попросила экономка и шагнула в сторону.

Я вышла из-за её спины.

— Добрый вечер, госпожа, — поздоровалась я.

Горло першило то ли от той горькой жидкости, что дал мне милорд, то ли я всё же немного простыла.

— И тебе добра, — ответила кухарка и вопросительно глянула на экономку.

— Его Сиятельство велел после хорошо его накормить. Его зовут Эрик.

— Хорошо, — кивнула Берта, совсем растерявшись, и повернулась к столу.

— Садись, — Паула кивнула мне на скамью, которая стояла в стороне от основного стола.

Я прошла к ней и села, комкая край плаща. Берта вручила мне тарелку, и я едва не рухнула от счастья, увидев неве-

роятно вкусно пахнувший пирожок. Слепая Дева, как же я давно подобного не ела!

Взяв тёплую сдобу, откусила и едва не потеряла голову, я готова была откусить свои пальцы — так было вкусно! Никогда не думала, что простой хлеб и мясо могут быть настолько восхитительны! Я старалась не показывать, насколько голодна, но не выходило. Жевала с жадностью и едва не поперхнулась, когда увидела, как на меня уставились кухарка и экономка, на лицах обоих видела удивление с примесью жалости.

— Спасибо, — сказала я, слизывая с губ крошку.

Кухарка прокашлялась и отошла в сторону, а уже вскоре вернулась со стаканом:

— На, запей, — протянула ягодный компот.

Мой перекус закончился быстро. Запив всё компотом, я вернула чашку Берте.

— Ничего вкуснее ещё не ел...

Девушка на это махнула полотенцем, её щёки ярко разругались.

— Ничего особенно, — отмахнулась она, смущённо улыбаясь, — а вот вечером будет кое-что существенное.

Громкий кашель заставил нас вздрогнуть. Берта обернулась, как-то хмуро посмотрев на экономку, и отошла к жаровне, возвращаясь к готовке.

— Пойдём, у меня ещё много дел, — недовольно буркнула Паула.

Я вновь глянула на Бертю, которая так больше и не повернулась ко мне. И тут я поняла в чём дело: совсем забыла, что меня принимают за мужчину, и Берта... Я густо покраснела, готова была провалиться сквозь землю. Нет, так дело не пойдёт, мне нужно быть предельно осторожной и следить за речью... Опустив низко голову, я последовала за экономкой, думая обо всём этом. В какой-то момент Паула остановилась, а я едва не врезалась в её спину.

— Вот здесь ты будешь ночевать, — сказала экономка, раскрывая дверь. — Я не знаю, насколько долго ты в Шедер-Виг, но пока будешь здесь.

Я заглянула внутрь и оглядела обстановку. Довольно тесная комнатуха, но ее для меня более чем достаточно. После улицы и холодных ночей я была бы рада просто углу, а тут целая комната, да ещё с кроватью.

— Хорошо, — повернулась я с довольной улыбкой на губах, но тут же её погасила и потупила взгляд, когда столкнулась со строгим взглядом Паулы.

— Идём, отведу тебя в общую купальню. Пока будешь мыться, я найду для тебя вещи. Своих у тебя, как я понимаю, нет?

Я покачала головой.

Купальня находилась дальше по коридору. Состояла она из двух комнат: одна, в которой раздевались, и другая большая — где мылись. Внутри, как и во всех домах высшей знати, имелся водопровод и горячая вода. Ванна даже у слуг бы-

ла большой, что подтверждало достаток этого дома.

— Только дверь не закрывай, я принесу полотенце и одежду и оставлю на полке. Вон там лежит мыло, возьми для себя.

— Хорошо.

Экономка, сомкнув губы в линию, едва заметно хмыкнула и удалилась. Наверное, она тоже не понимала, зачем господин привёз бродягу в свой дом.

Я прошла вглубь купальни и остановилась перед зеркалом. Слепая Дева! Я себя не узнала! Это был кто угодно, только не я. Отросшие волосы взлохмачены и тусклы, лицо испачкано разводами грязи и крови. Тощее тело под слоями одежды. Неудивительно, что на меня смотрели с сомнением и сожалением. На исхудавшем лице глаза казались невообразимо огромными, полные губы были обветрены и все в красных трещинках. Тонкая шея и совершенно плоская грудь.

— М-да, — с цинизмом выдохнула я, скользя взглядом по своему отражению.

Неудивительно, что все меня принимают за оборванца.

Я скинула плащ. И всё же мои движения были слишком плавными — нужно учесть это, если не хочу разоблачения. Стараясь подражать мужчине, я небрежно смахнула со лба длинную челку и присмотрелась к отражению лучше. На лбу пылала ссадина. Крепко я приложилась к тем воротам. Убрала руку и осмотрела себя ещё раз. Без плаща я выглядела совсем подростком. Одежда была в некоторых местах порвана: левый рукав — по шву, на правом колене дырка. То, что я

увидела, расстроило, но этот вид меня и спасал. Пусть будет так.

Оторвав взгляд от зеркала, я повернулась и прошла к ванне. Закрыв сток, открыла кран. Вода успокаивающе зажурчала, наполняя ёмкость. А я не верила, что мне так повезло.

Я наблюдала, как купальня постепенно наполнялась паром, зеркало вскоре запотело. Я взялась за ворот камзола и глянула на дверь. Стянула камзол, под которым моя исподняя сорочка. Рубашку племянника Дори я давно сменила и спрятала в одном из разрушенных дворов, но её всё равно нашли и своровали, как и все вещи, которые я забрала из Шедер-Виг, включая гребень, деньги и драгоценности. Сорочку нужно будет спрятать, а потом сжечь в камине в кухне.

Стянув штаны, я осталась только в ней. Белоснежная и бархатная, единственная вещь, напоминавшая мне о доме. Я погладила плечи, чувствуя мягкий шёлк под пальцами, и скользнула по своей груди, сжала. Впрочем, сжимать было нечего, на моём теле исчезли все приятные округлости, считая ягодицы. Ну ничего, это временно. Я на это надеялась.

Встряхнув короткими волосами, я взялась за край сорочки и потянула с себя.

Я откинулся на спинку кресла и прикрыл веки. Сегодня был очень сложный день. Мало того что не удалось изловить эту тварь бездны, так пришлось выслушивать истерики Хэдит. Она до сих пор отрицает, что это было её приворотное зелье, говорила, ей его подсунули. Всё же нужно было порвать с ней прошлый раз, насовсем. Но нет, отец настоял, чтобы я её простил...

Вспомнил о мальчишке и открыл глаза.

Я отчётливо почувствовал на той площади чистый источник, хоть и слабый. Я даже остановил карету и вышел, чтобы понять, откуда он. Светлая магия исчезла, и я подумал, что потерял нить, но потом она снова появилась, совсем слабая, но я ухватился за нее и пошёл, куда она тянулась, пока не наткнулся на шайку юнцов, которые учинили разборки над шуплым мальчишкой. Я почувствовал мощный прилив магии, а потом сразу же потерял связь с источником, но снова нашёл, когда нёс потерявшего сознания Эрика. Магия была в нём — всего лишь крохи, неравномерные и сбивчивые, и они угасали так же быстро, как и появлялись. Магия у мальчишки могла исчезнуть совсем.

Я не мог его отпустить, магия могла умереть в любой миг и погубить своего носителя. Нужно вызвать лекаря и по-

пытаться восстановить баланс. Подобная магия — большая редкость. Но кто-то явно присвоил себе источник, нещадно вычерпал до последней крохи, а потом выкинул мальчишку на улицу. Нужно будет обо всём расспросить Эрика, послушать, что он скажет. Хотя вряд ли правду. Не признается. Вспомнить только, как он смотрел затравленно и недоверчиво. Что ж, я все равно выясню, я умею ждать. Хотя нет, отец всегда меня укорял за нетерпение.

В дверь постучали, я поставил локти на стол и позволил войти.

— Господин, приехал посыльный, передал это, — Паула прошла в кабинет и положила конверт.

— Спасибо.

Взял его и, дождавшись, пока экономка уйдёт, развернул конверт, на котором красовалась родовая печать. Отец? Что на этот раз? Пробежался по строчкам письма.

“Нейтон, жду тебя к ужину. И заранее подготовь объяснения по поводу того, как ты нехорошо поступил с Хэдит”.

Я стиснул зубы и свернул бумагу. Уже успела пожаловаться. Хэдит знала, как надавить, и с помощью кого может управлять мной. Раздражённо бросил письмо на стол и поднялся. Отцу отказать я не мог. Надев снова камзол, покинул кабинет.

Экономки внизу не оказалось, чтобы предупредить о том, что ужинать я в замке не буду, да и разговор с мальчишкой придётся отложить. В одном я был точно уверен — мне ну-

жен ещё один прислужник, чтобы всегда был рядом, когда это необходимо.

Паула как сквозь землю провалилась. Раздражаясь, я направился к кухне. Но и там женщины не оказалось. Кухарка сказала, что экономка увела мальчишку. Я направился к комнатам прислуг.

Никого не нашёл. Зато дверь купальни была открыта. Я заглянул внутрь и прошёл к следующей двери, которая тоже оказалась не заперта, отодвинув её, я заглянул в купальню. И застыл.

Сквозь пелену пара в будто чуть светящемся облаке передо мной оказалось полуобнаженное женское тело. Белоснежная сорочка медленно ползла вверх, по мере того, как её стягивали через голову, открывая стройные ноги с острыми коленками и изгибы бёдер с гладкой жемчужной кожей между ними... и ещё выше, открывая плоский живот с невероятно узкой талией... пока не показались — я сглотнул — два маленьких полушария с ярко-красными затвердевшими вершинками. Меня будто кипятком обдало всего, по позвоночнику хлынул жар, утяжеляя мышцы паха. Я уставился на девушку, не в силах пошевелиться, кровь бешеным напором билась в висках.

Стиснув кулаки, заставил себя выйти из ванны и пойти прочь. Сердце билось часто и рвано, дыхание стало тяжёлым. Перед глазами это тонкое, как лоза, тело с плавными изгибами и нежной кожей. Тряхнул головой, сбрасывая это навязание. Завёлся, как мальчишка, будто никогда не видел женского тела! Даже усмехнулся.

Нужно было постучать прежде, чем врываться. Но я ведь был уверен, что там мальчишка! Кто-то из служанок, видимо, решил принять ванну в разгар вечера...

Куда же тогда экономка повела Эрика?

До отцовской усадьбы я ехал, погружившись в мысли, и не заметил, как добрался.

В доме было тепло и светло. Отец любил много света.

Передав служанке камзол, я прошел сразу в столовую. На ужин я всё же немного опоздал. Отец сидел во главе стола и был весьма хмур. Резкие строгие черты придавали ему солидности и мрачности. В его взгляде метались молнии — что успела ему наболтать Хэдит?

Сама госпожа Роланд сидела рядом с лордом. Она встретила меня ледяной решительностью.

— Добрый вечер, отец.

— И тебе добрый. Прошу, — указал он на место напротив

миледи.

Начали ужинать молча, без каких-либо предисловий. Но аппетита у меня не было, и все мысли занимало совершенно другое. Перед глазами изящное тело с белой кожей и сочными вершинками, к которым хотелось прикоснуться губами...

— Нейтон, может, ты всё же извинишься перед Хэдит? — вырвал из мыслей отец.

Я глянул на миледи, которая смотрела на меня сердито и с ледяной невозмутимостью. Конечно, отец не знал о поступке Хэдит с приворотным зельем. Иначе бы все иллюзии отца по поводу неё развеялись.

— Хэдит прекрасно знает, что у меня такая... работа.

Роланд громко хмыкнула:

— Какая? Подбирать бродяг с улицы? Это вопиюще, Нейтон!

Я отложил вилку и сжал кулак.

— Кстати, кто этот мальчишка, где ты его нашёл, зачем привёз в Шедер-Виг?

Я удивлённо глянул на Хэдит — значит, госпожа всё раст... болтала?

— Привёз и посадил меня прямо на рынке, — подхватила миледи.

— Я же нашёл тебе карету, не преувеличивай, Хэдит.

— Нашёл и таким-образом избавился от меня, — возмущилась, всплеснув руками. — Я чувствую себя брошенной.

Кажется, этот разговор ни к чему не приведёт, нужно было

с этим заканчивать.

— Ну хорошо, извини, Хэдит, — через силу проговорил.
— Достаточно?

— Но не таким тоном!

Я возвел взгляд к потолку и, сдернув с колен салфетку, швырнул её на стол.

— Спасибо за ужин, отец, — поднялся и поклонился Алистру Кемрону.

— Нейтон! — позвала Хэдит.

Я вышел из-за стола, понимая, что зря приехал. Нужно было отказаться.

— Я поговорю с ним, — услышал за спиной голос отца.

Я вышел в гостиную, слыша позади себя шаги, готовясь к тому, что сейчас мне будут читать нотации.

— Почему ты такой раздражённый и злой? — спросил отец, как только оказался со мной наедине.

— Сегодня был тяжёлый день.

— Удалось кого-нибудь изловить?

— Нет. Я потерял след.

А точнее — мне его перебила магия Эрика.

Молчание затянулось. А потом послышался тяжёлый вздох отца.

— Давай, я поговорю с его величеством, и ты возьмёшь себе небольшой отдых. Съездите с Хэдит в горы...

Я повернулся к отцу и усмехнулся, вот к чему он клонит — сблизиться с Хэдит. Как же мисс Роланд запала ему в ду-

шу, что едва ли не родной дочерью считает. Я прищурился с подозрением. Что если она воздействовала на отца тоже с помощью какого-нибудь приворотного зелья? Но ведь это невозможно, мой отец — самый сильный маг! Никому не по силам его провести... если это не милое создание с душой когтистой кошки в виде Хэдит Роланд!

— Ты действительно думаешь, что она мне пара? — спросил я, разглядывая хмурые складки между бровей на лице отца — они стали ещё глубже и резче.

— Да, я так думаю. По крайней мере, она способна тебя растормошить.

— И тем самым только злит.

— Я уверен, она будет хорошей женой, заботливой. Она к тебе очень добра.

Я не верил своим ушам. Всё же Хэдит чем-то опоила отца. Теперь не оставалось сомнений. А значит спорить сейчас бесполезно.

— Хорошо, — согласился я, — я ещё раз подумаю, но только потому, что ты настаиваешь.

— Только поэтому ты будешь с ней — такова моя воля. Помиришься с ней.

Конечно, я с ней помирюсь, ещё как. Теперь нужно облачить мисс Роланд перед отцом, чтобы у него открылись глаза. А иначе... иначе мне с ним придётся серьёзно поссориться.

— Нейтон, я знаю, в чём ты подозреваешь Хэдит, и даже

не думай убеждать меня в обратном. Девушка чиста. Я даже вижу сейчас твои мысли. Ты думаешь, что она и на меня воздействовала. Ты ошибаешься.

А я едва не зарычал — как же у неё ловко вышло убедить его в своей чистоте!

— Но есть одно большое “но”, отец, даже если это действительно не её приворотное зелье, Хэдит мне не нравится, — я глянул в сторону столовой, — и не то чтобы внешне, меня раздражает её стремление управлять мной. Делать так, как хочет она.

— Ты слишком предвзято относишься к ней, — непреклонно настаивал отец. — Она просто старается тебе угодить, помочь, подстроиться. С тобой ей не так-то просто.

— Давай закроем этот разговор. По крайней мере, на сегодня. Я помирюсь с ней.

— Обещаешь?

— Да.

Отец всё равно посмотрел на меня с подозрением.

— Я на это надеюсь, иначе, ты знаешь, мне придётся применить жёсткие меры.

— Например?

— Лишить тебя наследства.

Я глянул на него так, что Алистр засмеялся.

— Ладно, давай вернёмся к столу. Сейчас подают второе.

В меня будто что-то толкнулось, мягкое и бархатное, уже знакомая обволакивающая тьма. Я вздрогнула и глянула на дверь. Показалось, будто в неё сейчас кто-то заглядывал, но там никого не было.

Постояв немного, прислушиваясь, я погрузилась в наполненную ванну. Это было блаженство, настоящее высшее удовольствие! По телу прошла волна горячих мурашек. Я глубже погрузилась в горячую воду и откинула голову на край ванны, чувствуя, как пар нежным облаком ложился на кожу, утяжелял веки, ресницы, волосы и все мышцы.

За дверью вдруг послышались шаги, я встрепенулась и потянулась к лавке, подцепила пальцами сорочку и набросила на грудь, погружаясь в воду до подбородка.

В ванную заглянула Паула. Вряд ли она издали могла что-то увидеть, разве только торчащие из воды коленки, но всё же возмущение, страх и стыд захватили меня.

— Я нашла тебе одежду, надеюсь, будет в пору, позже ещё найду, но всё равно нужно снять мерки для портного, — заявила она, по-деловому уперев кулаки в бока.

Я кивнула, стараясь вести себя естественно. Взгляд женщины скользнул на мои плечи, и мое лицо запылало от её пристального взгляда и волнения быть разоблаченной.

— Ты посмотри стеснительный какой, — хмыкнула она. — Только мойся недолго. Скоро ужин, — проговорила, повесив на крючок полотенце, — придёшь после в кухню. Дорогу знаешь, — предупредила напоследок и удалилась, оставив меня одну.

Я облегчённо выдохнула и снова положила голову на край ванны, закрыла глаза, чувствуя, как бешено колотится сердце, понимая, что всё это время и не дышала.

Убедившись, что экономка ушла, потянулась за мылом.

...Купание отняло много времени, как бы ни торопилась. Вылезать из воды не хотелось, но если вернется Паула, то точно не постесняется вытащить меня сама. Поэтому, смыв пену, я вытерлась и пошла одеваться. Чистые мужские вещи я нашла на лавке. Наряд, слава Слепой Деве, оказался скромным: серая полотняная рубашка, простого кроя штаны и жилетка. Натянув все, застегнула пуговицы до самой последней на горле, завязала тесьму на штанах, взяла жилетку и вернулась к зеркалу.

Мне повезло, одежда была просторной и свободной, но всё же под грубой тканью рубашки, если присмотреться, были заметны очертания груди. Поэтому от жилетки я не отказалась. Подсушив полотенцем волосы и надев старую обувь, взяла сорочку и отправилась в комнату, которую мне выделили. Спрятав свёрток в маленьком шкафу, я покинула комнату и поспешила в кухню.

Пока шла, ароматы еды становился всё гуще, и желудок

вновь сжался. Но о еде я тотчас забыла, когда вошла внутрь, и на меня уставились множество пар глаз.

Помимо кухарки, за столом сидели ещё две девушки: темноволосая с бледной кожей и холодными синими глазами и блондинка с веерами светлых ресниц и чуть вздернутым носом. Служанки? Не много ли для одного господина? Они смотрели на меня пристально. Брюнетка — с ледяной внимательностью, рыжеволосая — с нескрываемым весельем и едва заметной ухмылкой. Она стрельнула взгляд на сидящую рядом девушку и чуть толкнула ту плечом.

— Не стой, проходи, — дружелюбно пригласила меня Берта.

Брюнетка лениво отвела взгляд и взялась за вилку, а я, стараясь быть спокойной и похожей на мужчину, направилась к столу.

Быть под пристальным вниманием девиц за общим столом оказалось настоящей пыткой.

— Добрый вечер, — произнесла я неожиданно охрипшим голосом и прокашлялась в кулак.

Хорошо, что на выручку поспешила Берта, поставив снятое с угляй блюдо на стол.

— Что же вы не знакомитесь? — с улыбкой оглядела всех кухарка. — Это Эрик, — продолжила настойчиво Берта, нарушая тишину.

Она искренне хотела мне помочь, я это видела по её глазам. Видимо, мой жалкий вид при первом появлении в кухне её растрогал. О другом не хотелось и думать.

— Меня зовут Эгги, — представилась блондинка, ища взглядом поддержки у своей наперсницы.

Темноволосая медленно подняла глаза, окидывая меня ничего не выражающим взглядом.

— Тебя привёз наш господин? Для чего? — задала вопрос, которого я не ожидала услышать от служанки. — Что ты будешь делать здесь?

Берта скосила на неё взгляд, уголки губ на её лице чуть опустились, выражая недовольство.

Что ответить, я не знала. Зачем я магу, что за работу он хотел мне предложить?

— Мы... ещё не разговаривали с милордом об этом... — уклончиво ответила и снова прокашлялась — горло першило всё сильнее.

Брюнетка хмыкнула.

— Значит, — сузила в холодном прищуре глаза, — скоро узнаем. Меня зовут Джоана.

Я кивнула.

— Красивое имя, — вылетели сами собой слова, я прикусила щёку с внутренней стороны.

Тишина повисла над столом свинцовой тяжестью. Нет, Элиз, так дело не пройдёт, нужно отказываться от привычки быть дружелюбной и вежливой. Я должна быть осторожной. Все они думают, что я мальчишка, так что нужно постоянно притворяться. Всегда, даже когда я одна.

И всё же взгляд Джоаны оттаял. Берта шумно выдохнула и села за стол. От моего внимания не ушла скользнувшая на её бледном лице тревога. С чего бы это? Значит ли, что Джоану стоит остерегаться? Какие тайны есть у каждой из девушек этого замка?

— Всем приятного аппетита, — сказала я и взялась за приборы.

Точнее — за один. Я мальчишка с улицы, не нужно выдавать себя, показывая воспитание. Только, кажется, уже поздно, впечатление я произвела. Прекрасно, Элиз! Продолжай в том же духе, и Сальмос быстро найдёт твой след! С укором сжала кулаки.

Берта открыла крышку блюда, и пряно-сладкий аромат запеченной утки разнесся по кухне.

— А откуда ты? — положив в рот кусочек белой мякоти, спросила Эгги, взяв эстафету по задаванию вопросов.

Я едва не выронила вилку, глубоко вдохнула. Говорить правду нельзя.

— Из Ливстор, — ответила первое, что пришло в голову. Мой брат заканчивал учёбу там, и я запомнила в этом небольшом городе огромные каменные мосты и высокие остроконечные башни.

— И давно ты в Энстендоре? — удивилась Эгги.

Я пожала плечами.

— Не так уж и давно.

— Значит, не знаешь столицу? — почему глаза Эгги загорелись

— Не знаю.

И это было правдой — кроме портового рынка, я нигде не бывала.

— Кто твои родители, Эрик? — перебила её Джоана.

— Я не знаю... — Девушки вдруг переглянулись, а я настояжилась. — У меня нет родителей. Я их никогда не знал...

На этом, к счастью, девушки смолкли, и я могла, наконец, спокойно поесть, больше ни на что не отвлекаясь, пока в какой-то момент не заметила, как Джоана и Эгги провожают взглядом каждый кусочек мяса, отправленный мной в рот. Ком так и встал в горле. Взяла стакан с ягодным отваром и

сделала глоток. Кажется, пора привыкать к такому роду интересу в мою сторону. Ну и пусть, главное, чтобы никто из них не узнал правду, а сделать это будет сложно, учитывая, что девушки живут в замке, и сталкиваться мы будем часто. Чаще, чем мне бы того хотелось.

Покончив с ужином, служанки ушли, хихикая и о чём-то шушукаясь, поглядывая в мою сторону.

— Не обращай на них внимания, — встала Берта и взяла посуду.

— Давай я помогу, — взяла я остальную посуду.

Берта растерянно хлопнула глазами, но кивнула.

— Это необязательно, — неровный румянец лёг на её щеки.

— Всё равно мне сейчас нечем заняться.

Собрав посуду на поднос, я отнесла её к лотку.

Берта, даже не глянув на меня, принялась мыть.

— А разве не должен каждый мыть за собой? Или попросить милорда, чтобы он нанял ещё прислугу?

Берта засмеялась и махнула рукой, мол, это не так важно. И всё же это было несправедливо, но я и не могла вмешаться.

В кухню вошла Паула и смерила меня хмурым взглядом.

— Господин задерживается, ты можешь идти в свою комнату, Эрик, вряд ли милорд вернется сегодня вечером.

— А где он? — вырвался у меня вопрос.

Паула свела брови так, что строгая складка залегла между

дугами бровей.

— Его Светилось отправился к господину Алистру рон Кемрону. Это его отец, если ты не знаешь, — заявила она с какой-то гордостью. — Иди.

Я кивнула и, бросив короткий взгляд на Берту, которая от чего-то будто потухла, направилась к двери. Единственный человек, с кем после долгих скитаний я могла просто поговорить, отрезан от меня строгим вниманием экономки. Похоже, у меня не будет друзей в этом замке. Хотя о каких друзьях я могу думать, когда моя жизнь висит на волоске?

Меня снова задушил приступ кашля, и всё тело будто бросило в жар.

Я кашляла весь путь до комнаты. Войдя в неё, плотно закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Чувствовала, как по телу расползлась болезненная дрожь. Приложила ладонь ко лбу и охнула — он был горячий, как раскалённое железо. Это плохо. Очень плохо, ведь если для меня позовут лекаря, то он быстро поймёт, кто я.

Оторвалась от двери и прошла внутрь комнаты. Здесь уже кто-то побывал: горела ночная лампа, испускавшая тусклый жёлтый свет, застелена кровать...

Нужно ложиться спать. Завтра всё пройдёт. Должно. Я на это надеялась.

Как же всё не вовремя!

Скинув обувь, я повернулась и обнаружила стопку новых вещей. Расправила и поняла, что это для сна: светлая тонкая рубашка — конечно же, мужская — и простого кроя штаны из хлопка. Откуда Паула берёт эту одежду? Впрочем, какая мне разница?

Положив все на кровать, я стянула жилетку и рубашку, быстро надела другую, заменив и штаны. Приятная ткань льнула к коже мягким хлопком. Свернув снятую одежду и сложив её на стуле, я забралась под одеяло и накрылась с головой, наслаждаясь мягкостью и уютом. И тут произошло то, чего я не хотела делать даже тогда, когда скиталась на улице

— я заплакала, свернувшись в клубок. Неужели этот кошмар хоть ненадолго закончился?!

Я пролежала на кровати неизвестно сколько, прислушиваясь к каждому звуку и вздрагивая, когда кто-то хлопал дверью в стороне кухни. А потом голова стала тяжёлой, веки горели, как и всё лицо, а кашель просто задушил. В какой-то момент я всё-таки провалилась в сон. И тихий стук в дверь ворвался в сознание как удар грома. Я разодрала веки и замерла, прислушиваясь. И уже подумала, что мне приснилось, но стук повторился.

Кто же за дверью? Неужели милорд всё же вернулся и послал кого-то за мной?

Я поднялась и села в постели, просыпаясь окончательно, жар никуда не ушёл, меня всю колотило ознобом, по коже скользила то раскалённая лава, то лёд.

Снова стук...

Облизав пересохшие и слишком горячие губы, я встала. В полумраке вряд ли кто-то разглядит очертания моего тела под одеждой, которая была мне велика, но я всё же стянула тонкое одеяло и завернулась в него, потому что мне стало жутко холодно. Прошла к двери, едва переставляя ноги, понимая, что двигаться мне стало тоже тяжело.

Взявшись за прохладную ручку, открыла дверь. Если бы это была экономка, вряд ли бы она стучалась. На пороге стояла Берта. И в руках у неё был небольшой серебряный поднос с кувшином и кружкой.

— Я слышала твой кашель. Ты заболел, — заявила она, врезав в меня пристальный взгляд. Я попыталась отрицать, мотнув головой. — Не обманывай, я же вижу. Я сделала тебе травяной сбор.

Возражать было бессмысленно. И, как назло, я снова закашлялась. Пришлось раскрыть дверь шире и отойти, пропустив кухарку. Она прошла внутрь, и я только сейчас заметила, что она небольшого роста, ниже меня на полголовы. Она поставила на стол поднос и взялась за кувшин.

— Возвращайся в кровать, — велела строгим голосом, будто обращалась к ребёнку.

Я не стала спорить. Да и лекарство мне — что говорить — не помешает.

— Милорд не вернулся в замок? — спросила я, забираясь на кровать.

Усевшись поудобнее, скрестила ноги и закуталась поплотнее в одеяло.

Берта налила в кружку тёмно-коричневой жидкости, лицо её было сосредоточено и серьёзно.

— Кажется, нет. Вот, пей как можно быстрее, — протянула мне кружку. Я взялась за пузатые бока. Резкий терпкий запах ударил горячим паром в нос. — Не бойся, пей, я готовлю этот настой даже милорду, когда ему нездоровится.

Сглотнув сухость, я начала пить небольшими глотками, морщась от горечи.

— Не очень приятное на вкус, соглашусь, — понимаю-

ще усмехнулась она, — но завтра тебе будет лучше. А господин... скорее всего, вернётся утром... И вернётся, видимо, снова с госпожой Роланд, — с какой-то обреченностью произнесла Берта. Едва не поперхнувшись, я вопросительно выгнула бровь. — Госпожа Хэдит Роланд — невеста нашего господина, — нахмурилась Берта ещё больше.

Я вспомнила случайно подслушанный спор и истерично-возмущённый голос... Всё-таки это оказалась его невеста. Я старалась не показать свои эмоции, но удержать маску безразличия не удалось, и я поморщилась, чувствуя какую-то пустоту в груди.

Берта, расценив это по-своему, засуетилась

— Пей, не останавливайся, — подтолкнула меня. Выпив всё до капли, я вернула кружку. Меня мгновенно бросило в пот, стало так жарко, что кутаться в одеяло больше не хватало выдержки. — Нет-нет, лучше оставайся под одеялом, — возразила девушка, — тебе нужно хорошенько пропотеть, если хочешь завтра встать на ноги.

— Ладно, — согласилась я, смахивая с вспотевшего лба волосы, обратно натянув на себя одеяло.

— Все, что в этом кувшине, тебе нужно выпить за ночь, — заявила Берта.

— А туалетная комната где? — спросила, понимая, что без неё мне сегодняшней ночью никак не обойтись.

Берта усмехнулась.

— Рядом с купальной.

— Спасибо.

Берта снова сделалась серьёзной.

— Тебе не нужно меня каждый раз благодарить.

— Ладно, — улыбнулась я и сдула со лба чёлку, дышать становилось всё труднее, будто вся комната наполнилась паром.

— А это у тебя что?! — протянула вдруг руку Берта.

Я тут же отстранила её, не дав себя коснуться.

— Ничего... страшного, — заверила, — просто ударился, когда на меня напали. Могло быть хуже, если бы господин вовремя не появился. — Вспомнив ту жуткую уличную свору, которая едва не побила меня, я поёжилась. — Он спас меня, — вяло произнесла, едва двигая языком.

Взгляд Берты оживился.

— Хорошо, что всё обошлось, но не будем больше говорить о плохом. Тебе нужно отдохнуть. Ложись.

В Шедер-Виг я вернулся ранним утром, едва первые лучи брызнули на крыши и серые башни столицы. Дорога была пустой, и я доехал быстро.

Отец остался недоволен, что я уехал до завтрака, не попрощавшись с Хэдит, хоть вчера мы примирились. Ещё немного — и отец наступит на горло, настояв на церемонии в ближайшее время. Меня ещё спасает то, что в Энстендоре сейчас беспокойно, а я занят поимкой пожирателей. Но если Алистр попросит у короля аудиенции, то Его Величество не откажет ему. Ещё бы! Отец возглавляет Орден Высших Магов, и он у короля на хорошем счету.

Я смотрел в окно и думал, как быть. Возможно, стоит опередить отца и попросить аудиенции первому?

Но подумать хорошенько стало некогда. Карета въехала во двор, и я поспешил в замок. Сегодня мне нужно вернуться к следу, пока ещё не поздно, но для начала уладить кое-какие дела и отправить прошение королю.

Попросив служанку принести мне кофе, я переоделся и отправился в кабинет.

Пока закончил с прошением, Джоана принесла горячий напиток:

— Доброе утро, милорд.

— Доброе, — бросил я, взяв воск.

Девушка поставила чашку на стол, а мой взгляд словно прилип к её груди.

Память мгновенно воспроизвела очертания обнаженного женского тела, которое я видел в купальне. Могла ли там быть Джоана? Её грудь была высокой и достаточно выпуклой. Не похоже, что она, да и бедра слишком рельефные.

— Что-нибудь ещё, милорд? — спросила девушка, заставив меня очнуться и вернуть взгляд на её лицо.

Джоана улыбнулась.

— Нет, спасибо, больше ничего, — взял в руку фарфоровую чашку.

Служанка шумно выдохнула и, сжав губы, повернулась, чтобы уйти, и тут я вспомнил о мальчишке. Про него совсем забыл.

— Постой, — остановил её. Девушка повернулась. — Приведи Эрика ко мне.

— Он ещё не выходил из комнаты, милорд. Кажется, он слёг с жаром.

— Что? — обжег губы горячей жидкостью. — Почему ты мне сразу не сказала? — резко поднялся, отставляя кофе.

Джоана растерянно заморгала.

— Простите, милорд.

Но я виноват сам, нужно было вызвать для него лекаря сразу, ещё вчера. Отец перебил все планы. Хорошо бы это был просто жар, а не окончательно угасшая магия.

— Проводи меня к его комнате, — велел я служанке.

— Да, милорд, — Джоана послушно направилась к двери.

Я вышел из-за стола и широким шагом устремился следом.

Оказавшись в восточной части, Джоана свернул в коридор, где находились комнаты слуг. Навстречу вышла служанка Эгги со стопкой белья, отошла в сторону, уступив нам дорогу. Джоана остановилась возле одной из дверей. Не раздумывая, я открыл ее и вошёл.

В комнате царил полумрак, пахло травами. Эрик был в постели, но когда я появился, весь подобрался и прижался к изголовью. И без того бледное лицо сделалось ещё блее, но в глазах не было испуга, скорее растерянность. Хорошо, что он в сознании, плохо, что я не почувствовал его магию, даже крохи. И это несколько сбило с толку, ведь при таком раскладе бедолаги должно было уже не стать.

Я прошел к кровати. Эрик напряг плечи. В полутьме он выглядел как призрак — сдует сквозняком.

— Мне сказали, что у тебя жар, — я оглядел графин и кружку на столе, влажные полотенца и таз с водой, и вернул взгляд на парня.

— Сейчас уже лучше, господин, — почти шёпотом проговорил он простуженным голосом.

Я оглядел его внимательней. Влажные волосы у виска, заправленные за ухо, открывали блестящий от испарины лоб, потрескавшиеся губы. Но, несмотря на болезненный вид, он теперь, когда вымылся, перестал походить на уличное отребье.

— Я позову к тебе лекаря, — решил я не медлить.

Эрик вздрогнул и уставился на меня огромными глазами.

— Не нужно лекаря, мне уже лучше, и я уже собирался вставать.

Я хмыкнул.

— И двух шагов не сделаешь, свалишься вновь.

— Прошу вас, милорд, не нужно лекаря, — с мольбой проговорил он, а взгляд сделался такой жалостливый, будто сейчас разрыдается.

Этого только не хватало! Похоже, он боится. Что ж, его нужно понять, он мог много всего натерпеться, но проверить кое-что было необходимо.

Я сел на край кровати, Эрик подтянулся на руках и ещё плотнее прижался спиной к стенке. Я протянул руку, чтобы коснуться его груди, но в следующий миг мальчишка меня удивил, шарахнувшись от меня, как от чумы, закрываясь руками. Я одёрнул руку, сжав кулак. Похоже, всё намного хуже, чем я думал.

— Я не собираюсь тебя бить, — процедил сквозь зубы, видя, как его плечи дрожат, но руки он всё же убрал, расправил спину и поднял подбородок.

Наверное, лучше дать ему время прийти в себя и привыкнуть к обстановке.

— Мне всего лишь нужно проверить магию. Как давно ты столкнулся с пожирателем и как тебе удалось уйти от него целым?

Парень моргнул, будто не понял ни единого моего слова.

— Пожиратели? Кто это? — коснулся пальцами горла, будто ему было трудно говорить.

— Те, кто лишает магов магии.

Эрик сглотнул, взгляд его стал неподвижным, немного туманным от болезни и невозможно искренним.

— Я не понимаю, о чём вы...

— Я вижу отголоски магии в тебе, её осталось... мало.

Точнее — я не чувствовал даже ее крохи, чтобы он мог жить.

— Магии? — переспросил он, беспокойно забегая глазами.

На щеках появились неровные багряные пятна. Кажется, у него опять начинался жар. Хотя мне следовало бы подумать, что он мог не знать о собственной силе. Бездомный, и ничего сам не смыслит в том, что имеет. Никто ему не помог развить магию, и сам он не смог. Кто его родители? Откуда он? С кем жил? Кто его вырастил? Слишком много вопросов, чтобы вытрясти из него все ответы за раз. К тому же нездоровые пятна стали ярче.

— Поговорим об этом позже, — выдохнул я с шумом. —

Как только окрепнешь. Я должен позвать лекаря. Не бойся, он не причинит тебе вреда.

Я встал и, протянув руку, утешительно потрепал его по волосам. Надо же, для мальчишки-бродяги слишком мягкие. Эрик в удивлении глянул на меня через взъерошенные пряди.

— Только не шарахайся, когда господин Отис будет тебя осматривать, ты же мужчина.

Бежать! Бежать прямо сейчас, пока меня не разоблачили!

Как только дверь за милордом захлопнулась, я резко откинула одеяло и сползла с кровати, но едва встала, в глазах резко потемнело и дико закружилась голова. Я рухнула обратно.

Ничего не выйдет. Милорд оказался прав, когда говорил, что я не сделаю и двух шагов. Но в одном он ошибся — у меня не было жара, отвар Берты помог, и я чувствовала себя гораздо лучше.

Тёмная аура Нейтона Кемрона оплетала, будто паутиной, пеленая в кокон, отнимая возможность двигаться и думать... Я ведь попала в ловушку! Он знает, что во мне магия. Ещё бы! Он же маг! Ко всему — высшего ранга. Перед глазами чёрные до невыносимости глубокие глаза, в которых словно густела горячая смола, милорд будто пытался проникнуть в мою голову и вытащить все мои потаённые мысли.

Я откинулась на спину и накрыла распалённое лицо подрагивающими от слабости ладонями. Я едва не выдала себя, когда он пытался коснуться меня. Но какая разница? Сейчас придёт лекарь, и мне от осмотра не отвертеться.

— Что же делать? Как мне теперь быть? — хрипло прошептала я.

Забралась обратно под одеяло.

Это крах. Слабость растеклась по телу горячим свинцом. Я чувствовала себя измученной и разбитой. Кого я не ожидала увидеть с утра, едва проснувшись, так это господина. Он уверенно вошёл в комнату, его взгляд, словно жидкий огонь, скользил по мне, обжигая кожу, и я, горела и дрожала. Мне приходилось каждый вздох напоминать себе о том, что он смотрит на меня не как на женщину, но как же сложно было убедить себя в этом, потому что казалось обратное. Слепая Дева, как же сложно!

Находиться рядом с Нейтоном оказалось настоящей пыткой, особенно когда господин сидел на краю кровати и говорил спокойным грудным голосом, который будто погружал в тёплую реку.

В его глазах я выглядела затравленным щенком. Я хмыкнула. Да уж, жалкое зрелище. Если бы только он знал, что всё не так. Нет-нет! Он не должен знать. И нужно изо всех сил постараться, чтобы и лекарь не узнал. Никто никогда не узнал.

— Возьми себя в руки, Элиз, — со злостью прошипела я сквозь зубы, сжимая в пальцах край одеяла.

Ещё ничего непоправимого не произошло, верно? Ни у кого в этом замке нет сомнений в том, что я мальчишка. Всё потому, что я отличаюсь от жителей Энстендора: моя кожа слишком бледная, а волосы имеют отличительный медный оттенок, как и глаза — зелёные. Ещё ни у кого здесь я не

видела зеленых глаз, как и чуть вытянутого телосложения. Девушки здесь в основном низкого роста и с более выразительными формами. Да-да, именно это сыграло мне на руку. Им всем сложно понять, кто я, ведь сравнить не с чем.

Но лекарь... Как он посмотрит на меня? Может, ему достаточно будет одного взгляда, чтобы понять мою природу? Ко всему моя магия выдаёт меня. Если милорд знает о ней, то не оставит это без внимания, мне нужно придумать что-то. Но о ком он говорил? Кто эти пожиратели? Мою магию забрал Сальмос, он преступник и убийца, который хотел подчинить меня себе, унижить и втоптать в грязь, и у него почти получилось. Эти следы печати на моей спине говорят об этом — я принадлежу ему, и даже если я сдеру кожу, ничего не изменится, магические следы остались на моей ауре. И господин ещё их не распознал, но, может, если поймёт, кто я... А пока он не может всё сопоставить из-за путаницы и лжи. Но стоит только ему допустить мысль, что я не мужчина, всё раскроется.

Я тряхнула головой и сокрушённо ударила кулаками по постели.

Я должна выкинуть все опасения и сомнения, мысли о господине Кемроне и вспомнить о том, что должна сделать — выжить и уничтожить того, кто отнял у меня всё. Ради этого я должна сделать всё, даже вести себя... плохо.

Сердце забилося гулко и тяжело, в груди стало тесно, а глаза затуманились слезами, яд ненависти обжёг вены, голо-

ва затянулась пеленой ярости.

Когда в комнату вошёл господин лекарь, я была готова встретить его. Скрестила руки на груди и смотрела на мужчину взглядом, от которого мне самой стало отвратительно внутри.

Это был глубокой зрелости мужчина с седыми бакенбардами и прозрачно-серыми, как древний лёд, глазами. В мою комнату его сопровождала Эгги. Бросив на меня смущенный взгляд, она прошла внутрь и принялась собирать ненужные вещи. Хотя с чего бы такое внимание?

— Добрый день, меня зовут Отис Лойт, — представился мужчина, опускаясь на стул, который ему предложила Эгги.

Не получив от меня никакого ответа, он поставил на колени свой саквояж, стал наблюдать за служанкой, которая явно задерживалась, но всё же, наконец, удалилась. Я опустила взгляд, ощущая жуткое смятение. Мужчина, оторвав от служанки взгляд, которая скрылась за дверью, повернулся ко мне.

— Так вы, значит, Эрик. Милорд настоял, чтобы я вас вылечил.

— Я здоров.

Немного удивлённый взгляд мужчины остановился на мне.

— Вот как, а я слышу, что ваш голос простужен.

— Послушайте, я не знаю, что вам сказал господин Керрон, но мне не нужна никакая помощь. Со мной всё в порядке, — ответила жёстче.

— Хммм... — протянул мужчина, недоумённо качнув го-

ловой. — Вы боитесь?

Я повернула к нему лицо, смотря на лекаря внимательно.

— Ничего я не боюсь, просто сказал, что мне не нужна помощь, разве я что-то непонятное говорю? — от собственного тона меня выворачивало наизнанку — ну и манеры я демонстрирую! С о стыда можно провалиться.

— Хммм... — снова задумчиво протянул мужчина, не ожидая подобной грубости. — В таком случае я вынужден позвать милорда, чтобы решить этот вопрос.

Я моргнула, сердце заколотилось в испуге где-то в горле, отдаваясь болью в затылке.

— Не нужно, — буркнула я, передёрнув плечами, стараясь как можно сильнее походить на юношу. — Что вы хотите сделать? — может, зря я опасаюсь?

Лекарь дружелюбно улыбнулся:

— Прежде всего осмотреть ваше горло. Позволите? — Я сглотнула. Посмотреть горло? И всё? — Присядьте поближе, — попросил он.

Я сдвинулась на край кровати. Отис придвинулся ко мне и коснулся моего горла. Его пальцы были тёплые, он что-то пытался нащупать под челюстью, и надавливая на гортань. Я среагировала мгновенно, дёрнулась, вырываясь из его рук. Сердце ткнулось камнем в рёбра, жар прильнул к лицу. Успел ли он что-то понять?! Я знала, что строение горла мужчины и женщины отличалось.

Лицо Отиса сделалось сосредоточенным и задумчивым.

— Хммм... — снова произнёс он, настораживая меня, — не бойтесь, я больше не стану, — спокойно, будто ничего не случилось, заверил.

Я облегчённо выдохнула — он не понял. Не успел понять.

— Но я ещё не закончил, мне нужно, чтобы вы открыли рот и сказали “аааа”.

— И всё? — спросила, морщась.

— Да.

— А-а-а-а... — выполнила я, чтобы он поскорее закончил.

— Спасибо, — наконец, сказал он и отстранился, а потом взялся за саквояж, — теперь мне нужно вас послушать, есть ли хрипы в груди.

— Вы же сказали, что это всё! — воскликнула и тут же осеклась. — У меня нет хрипов. Оставьте меня в покое. — Отис глянул на меня, взгляд лекаря будто пытался что-то вытянуть наружу. — Я же вам говорю, что милорд зря беспокоится, со мной всё в порядке.

Посерьёзневший лекарь посмотрел на свой саквояж, о чём-то подумал и вдруг отложил его.

— Ну хорошо, я поверю, — произнёс он, а мне показалось, что эти слова имели совсем другой смысл.

Он раскрыл мою тайну, точно! Всё, я пропала, сейчас он пойдёт и выдаст меня милорду. Я задышала часто и глубоко, унимая дрожь в пальцах. Что же мне делать? Слепая Дева, что же делать?!

— Но ваше горло... — вдруг продолжил он и снова смолк, погружаясь в задумчивость, — ваше горло нужно лечить. Я пропишу вам необходимые лекарства.

Я попыталась сдержать выдох облегчения, с груди словно гора камней свалилась, даже голова закружилась. Я подтянулась обратно к стенке кровати, устало облокачиваясь на подушку. Пока лекарь доставал бумагу и письменные принадлежности, в комнату вошла Берта с новым кувшином воды, она молча поставила его и удалилась. Лекарь отвлёкся, провожая её взглядом, на его губах появилась какая-то странная улыбка. Пока он писал, в комнату снова вошли. На этот раз опять Эгги. Она принесла какие-то вещи. Улыбка на лице лекаря становилась всё заметнее.

— Вот, — закончил он и придвинул лист к краю тумбочки, — это я отдам милорду. А вам советую побольше пить жидкости, есть и дышать свежим воздухом.

Сложив свои вещи, Отис поднялся.

— Выздоровливай... Эрик... — произнёс он и направился к двери, я беспомощно дёрнулась следом и тут же откинулась обратно на подушку, стиснув кулаки.

Он понял. Он всё понял. Дверь глухо затворилась.

В кабинет постучали, а следом дверь открылась, и показалась Джоана, которая любезно пустила лекаря внутрь. Господин Отис — наш семейный лекарь, я помнил его с самого детства. А ещё Отис Лойт — бесценный целитель. Сейчас мужчина выглядел сосредоточенным и чем-то озадаченным. По моим плечам прошёлся холодок — что он скажет насчёт мальчишки?

Надо же, не успел ещё узнать, а слышать безысходные слова я был совсем не готов. В памяти всплыли далёкие воспоминания из детства, когда я принёс покалеченного щенка домой, и он не выжил... и сдаётся мне, что моя ещё тогда неконтролируемая магия сгубила его. Тогда я впервые испытал боль потери.

Я столько видел смертей, что уже привык, что она ходит за мной по пятам, все чувства притупились, оставляя лишь холодный расчёт, но сейчас в груди точило сожаление.

— Где вы его нашли? — первое, что спросил Отис после некоторого молчания.

— В порту. Его пыталась побить уличная свора. — Отис приподнял бровь. — Что скажете, всё безнадёжно?

— Я не понимаю, как ему удалось выжить. Пойманный пожирателем маг полностью остается выкаченным, а ей...

ему, — лекарь запнулся, — удалось даже сохранить крупичицы.

— Я бы тоже хотел понять, как он смог выжить.

— Остается ждать, как поведет себя магия дальше. Ещё не было случая, чтобы после пожирателя маг выживал. Жаль, что так вышло, у... Эрика была редчайшая чистейшая магия, но от нее ничего не осталось, выпили почти досуха... Чудовища, звери! — негодовал мужчина.

— Мертвецы, — сказал я более точное определение эти проклятым душам.

Лекарь сокрушённо покивал. Проклятые пожиратели, продавшие душу тьме. Они существовали с начала времён. Исчадия мрака. Ходили легенды, что это некие сильнейшие маги всего Гардастара, которые обратили свою природу во тьму, потеряв своё истинное обличье. Они были прокляты Триоким богом навечно, и вот уже много столетий пожиратели скитаются по Гардастару в поисках источников магии, что питает их почти мёртвые тела. На какое-то время они исчезли, и магов стало немного больше, а потом снова началось... И вот уже третий год число пожирателей снова множится. Всё больше случаев убитых магов. Мальчишка остался жив. Мне не терпелось поговорить с ним и узнать всё подробнее.

— Я поговорю с Эриком, — озвучил вслух.

— Поговорите милорд, возможно, он вам расскажет много чего интересного... Разгадывать тайны — это по вашей ча-

сти... — едва заметно усмехнулся лекарь, а потом снова посерьёзней. — Если бы была печать, силой можно было бы поделиться. А так остаётся только наблюдать, как поведёт себя магия мальчика, а я не могу дать точный прогноз.

Я с горечью усмехнулся. Если бы печати сохранились, то многих удалось бы спасти. Но печати-артефакты были безжалостно уничтожены, и всё потому, что они тоже стали злом. Точнее, не сами артефакты, а те, кто ими незаконно пользовался, злоупотребляя властью. Маги, вместо того чтобы восполнять силу пострадавшего после обесточивания пожирателем, отнимали её, дабы приумножить свои возможности. Поэтому старый король отдал приказ их уничтожить. Я не осуждал этого решения — раньше было другое время, тёмное, — но несколько артефактов всё же можно было оставить. Теперь, когда магов становилось всё меньше, после покушения пожирателем никого не удаётся спасти...

— Мне пора, милорд, — Отис положил ладонь на своё колено, готовясь уходить, — я прописал лекарства. Если пациенту... станет хуже, немедленно вызовите меня снова. И кстати, ему нужен полный покой, а в той комнате, в которой вы его поселили, это невозможно.

— Почему? — не понял я.

Отис на это только усмехнулся, тяжело поднимаясь со своего места.

— Нет необходимости меня провожать, — он повернулся к двери, но снова остановился. — Всего доброго, — Отис

смерил меня долгим взглядом и прошёл к двери. Отворив её, мужчина вышел из кабинета.

Несколько мгновений я слушал тишину. Отложил бумаги, поставил локти на стол и сцепил пальцы в замок, думая обо всем. Нужно будет покопаться в старых письменах в королевском архиве, возможно, что-то удастся выяснить. Я верил, что найдётся способ уничтожить пожирателей. Он должен быть.

И я его найду.

Меня пробирал озноб. Я смотрела на дверь и ждала, когда придет Нейтон Кемрон и потребует объяснений. Я так разволновалась, что меня начало мутить и трясти.

Успокаивала себя как могла, надеясь на то, что лекарь всё же ничего не понял, или не успел понять. Он ведь не стал меня не о чём спрашивать, наверняка бы задал вопросы, но он молчал.

Я вздрогнула, когда дверь открылась, готовясь увидеть милорда, но это была Джоана. А ей что здесь нужно?

Служанка неспешно прошла в комнату, прикрыв дверь, и как ни в чём не бывало подошла к тумбочке, подхватила лист, оставленный лекарем, и, бросив на меня короткий взгляд, принялась читать. Потом хмыкнула и положила лист обратно. Бесцельно оглядывая комнату, покачивая бёдрами, девушка прошла к окну, выглянула в него. Странное поведение.

Нет, Элиз, не так. Вполне объяснимое поведение, когда в комнате, точнее — в постели — находится не девушка, а парень. И хуже всего, что я не знала, что говорить, как себя держать, всё становилось сложным. Такого давления я не ожидала.

Джоана, наконец, повернулась. Я растерянно коснулась

волос, но тут же убрала руку. Волнение захлёстывало, с ним мне не по силам справиться, и я каждый раз, когда встречалась с внимательным взором служанок, рисковала быть разоблаченной.

Щёки снова полыхнули жаром стыда — я им нравлюсь. И нужно бы успокоиться и перестать дёргаться, ведь всё идёт по плану, но я готова была провалиться сквозь землю, лишь бы оказаться подальше от Джоаны. Эта девица отличалась от других — не такая простая, как Берта и Эгги, те казались искренними. И если от тех я интуитивно чувствовала доверие, то Джоана была непредсказуемой.

«Что за слуги у милорда?!»

Пока я негодовала и сокрушалась, Джоана покинула своё место и направилась ко мне. На моей шее выступил пот, я невольно вжалась лопатками в стену. Что она задумала?

Джоана склонилась над кроватью и, опершись руками на постель, проминая её и прогибая спину, приблизила своё лицо к моему так близко, что я уловила аромат её волос. Совесть совсем некстати кольнуло болезненным уколом — мне приходится их обманывать и вынуждать вести со мной подобным образом.

— Хочешь... есть, Эрик? — её губ коснулась едва заметная полуулыбка, наверняка она затуманила бы голову любому мужчине. Джоана хороша собой, особенно, когда так завораживающе сверкали её глаза под тенью густых чёрных ресниц. — Я могу... — она опустила взгляд, и вот тут мне

стало вовсе не по себе, Джоанна смотрела на мои губы, — принести тебе завтрак, — произнесла приглушённым голосом, придвигаясь ещё теснее.

Если так соблазняют мужчин, то я совершенно неопытна в этих делах, а Джоана явно имела весьма большой навык в этом. Мне вдруг стало смешно — если бы она только знала, что не стоит так усердствовать.

Кажется, я и в самом деле усмехнулась, невольно обливав сухие с обветренные губы. Девушка поняла это по-своему. Взгляд Джоаны стал ещё темнее и глубже. Она оказалась совсем близко от моих губ, катастрофически близко, я чувствовала жар её дыхания. В следующий миг служанка буквально навалилась на меня едва ли не всем весом, я не успела опомниться, как девушка сжала ворот моей рубашки и дёрнула. Я резко увернулась от её губ, когда она настойчиво попыталась поймать ими мои.

— Что такое? Разве ты не хочешь меня... поцеловать? — с пылким придыханием прошептала, снова пытаясь наброситься на мои губы.

Паника затопила мой разум. Это нужно остановить! Немедленно!

Я сжала её плечи, чтобы отлепить от себя, и раскрыла губы, чтобы ответить как можно жёстче и яснее, что я не хочу есть и могу сама — точнее, сам — справиться! И уж вовсе не нуждаюсь в поцелуях! А тем более женских.

Но тут дверь внезапно распахнулась, и на пороге показа-

лась... экономка.

— Что здесь происходит?! — гневно воскликнула ошеломлённая увиденным Паула.

Тонкие брови экономки сошлись на переносице так тесно, что на лбу пролегла глубокая кладка.

— Я спрашиваю — что тут происходит?! — вскрикнула она.

Я вздрогнула, буквально физически ощутив удар её возмущения. Бросила короткий взгляд на Джоану, осмысливая нелепость ситуации.

Служанка отстранилась, совершенно не смутившись Паулы, напротив — немного раздраженная тем, что её планам помешали. От разыгравшей тревоги и страха у меня мгновенно разболелась голова. Я прикрыла веки и глубоко вдохнула. Экономка пересекла комнату и встала скальной глыбой перед Джоаной, норовя беднягу задавить.

— Бегом работать! И чтобы я больше здесь тебя не видела! — прошипела Паула так, что я невольно стиснула зубы. — Поговорю с тобой после.

Джоана вздёрнула подбородок, показывая, что ничуть не боится угроз женщины, но послушала приказ экономки. И как только она ушла, Паула повернулась ко мне.

Мои плечи напряглись, столь тяжёлым был её взгляд. Но ведь я ничего не сделала плохого, почему я должна чувствовать себя виноватой?

— Я хочу тебя предупредить, — начала экономка желез-

ным голосом, — в замке милорда не должно быть подобного разврата. Если я ещё раз обнаружу, что ты соблазняешь слуганок, я вынуждена буду сказать об этом милорду.

— Но я ничего не сделал...

— Молчи, я тебя предупредила, я не слепая, ты только ночь в замке, а уже... — она плотно сомкнула губы, собирая складки на них, прищуривая в гнев глаза, — ...уже обольщаешь всех, прикидываешься больным, чтобы привлечь к себе больше внимания.

Я закатила глаза. Слепая дева, и за что мне это всё?! Всё-таки я должна была держать язык за зубами и не заговаривать с Бертой и остальными служанками.

Паула двинулась к тумбочке, подобрала лист со списком лекарств и свернула его вдвое, буравя меня взглядом, произнесла:

— Я тебя предупреждала, что здесь мало мужчин, и интрижки крутить я не позволю, только посмей кого-нибудь затащить в постель — вылетишь отсюда сразу. В замке строгие правила, ясно тебе?

Я шумно выдохнула, понимая, что спорить бесполезно.

— Ясно, — буркнула.

— Это было моё последнее предупреждение, — сказав это, она развернулась и пошла прочь.

Сумасшествие... Я выдохнула и откинулась на подушку, прикрыв веки, чувствуя, как краснею до самых кончиков ушей.

Всё это не имеет значения. А вот если лекарь рассказал обо мне милорду, все скоро всё поймут.

Но минуты проходили за минутами, и никто больше не появлялся в комнате. Я не заметила, как задремала, чувствуя убийственную усталость. За одно утро слишком много переживаний, а слабость от болезни давала о себе знать.

Мне снился дом, уютный и солнечный, я гуляла в саду, вдыхая аромат прекрасных роз, выращенных мамой. Но вдруг солнечные лучи потускнели, подул холодный ветер, заставляя меня ёжиться, а потом появился Сальмос. В руках у него был артефакт, лицо искажала ледяная маска ненависти, а глаза вселяли ужас. Он схватил меня за плечи, и снова я ощутила обжигающую боль — артефакт оставлял на моей спине печати.

— Я найду тебя. Ты пожалеешь, что сбежала. Я заставлю тебя пожалеть, — не голос, а звериное рычание раздалось громом во мне, заставляя свернуться в спазме всё нутро, ледяной страх потёк по венам, отнимая силы сопротивляться.

Сальмос оттолкнул меня, и я упала прямо в огненную пропасть, которая сомкнулась надо мной тяжёлыми волнами жара.

Я вздрогнула и проснулась, дыша глубоко и часто. Я вся покрылась холодным потом, а сердце разрывалось от бешеного ритма, такого, что заломило в груди.

За окном уже давно рассвело.

В комнате я оказалась не одна. Паула как раз прошла к

моей кровати и положила в изножье стопку вещей.

— Одевайся и выходи обедать. После милорд просил про-
водить тебя к нему, — сухо сказала она.

Прогоняя отступающий помалу страх, я села в постели,
чувствуя, как рубцы на спине неприятно саднят.

— Чьи это вещи? — хмурясь, спросила я.

— Какая разница? — бросила экономка. Кажется, она всё
гневилась, и я не в силах это исправить, недоверие к себе я
заслужила, и теперь сложно переубедить строгую управляю-
щую в обратном. — Поспеши, — непреклонно потребовала
экономка.

Паула ушла, оставив меня одну.

Я потянулась за одеждой. На этот раз эта был какой-то пи-
джак изумрудного цвета с золотистыми застёжками на груди
и расшитыми золотистой тесьмой рукавами, а штаны были
чёрного цвета. Эта одежда походила на ту, которую носил
мой брат, когда учился.

Я взяла всё в охапку и поднялась. После недолго сна по-
чувствовала себя гораздо лучше. Убедившись, что коридор
пуст, прошла в купальную комнату, где было зеркало. Запер-
лась изнутри и принялась переодеваться, но прежде сполос-
нула лицо прохладной водой и расчесала растрепавшиеся за
ночь волосы. Их нужно будет скоро снова сделать короче.
Стянув рубашку, я повернулась к зеркалу спиной — бурые
рубцы на белой коже виднелись отчётливо. Сколько времени
потребуется, чтобы они зажили окончательно и исчезли? Ес-

ли они вообще могут исчезнуть, что вряд ли. Отбросив рубашку, я потянулась за чистой.

Одеться получилось не так быстро — слабость в пальцах и во всём теле делала из меня тряпичную куклу. Для меня оказалось настоящим подвигом застегнуть эти многочисленные запонки. И как Рой с ними справлялся по утрам? Столько терпения нужно...

Закончив, я поправила небольшой ворот-стоечку, заново оглядела себя. Сейчас я напоминала юнца, который случайно примерил форму курсанта. Щепка, возмнившая себя мужчиной. Грубая ткань надёжно скрывала очертания моего тела.

Всё-таки не удержалась от смешка и тут же одернула себя — нужно забыть, кто я. Сейчас я Эрик, мальчишка с улицы, потерявший свою магию.

Я выпрямилась, разглядывая своё жутко бледное лицо, потрескавшиеся сухие губы — слишком полные, слишком выразительные брови, слишком длинные ресницы... Даже удивительно, что мою тайну до сих пор никто не разгадал, напротив — вспомнила Джоану. Для них я мужчина и, похоже, привлекательный. Жар вновь прилил к щекам, и я уже не могла разобрать, от чего именно: от стеснения или снова мне становится нехорошо от накатывающей слабости и головокружения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.